

Содержание

Введение 5

КНИГА ПЕРВАЯ

Часть I. КРЕМЛЬ 9

Часть II. ОПРИЧНИНА 21

Часть III. ПОХИЩЕНИЕ САБИНЯНОК 29

Часть IV. В СМУТУ 35

Часть V. СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК 45

Часть VI. ПЕТР 57

Часть VII. НА ВОЗВРАТЕ 67

Часть VIII. ЕЛИСАВЕТ 79

Часть IX. ВЕЛИКАЯ ЖЕНА 91

Часть X. БЕЛЛЕТРИСТИКА НАЧИНАЕТСЯ 101

Часть XI. ШЕРЕМЕТЕВ И ДУБЛЕРЫ 109

КНИГА ВТОРАЯ

Часть XII. ПУШКИН В АРБАТЕ.....	129
Часть XIII. ОСТАВЛЕНИЕ ПОКРОВКИ	137
Часть XIV. ОСТАВЛЕНИЕ ЯУЗЫ	155
Часть XV. В АРБАТЕ: РАЗНОЕ	167
Часть XVI. УСПЕНСКИЙ ВРАЖЕК.....	195
Часть XVII. ПАТРИАРШИЕ ПРУДЫ	203
Часть XVIII. ПРЕСНЯ	213
Часть XIX. ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ	221
Часть XX. НЕСКУЧНОЕ, БЕРСЕНЕВКА	225
Часть XXI. ТАГАНКА	233
Часть XXII. КУЗНЕЦКИЙ МОСТ И ВЫШЕ	237
Часть XXIII. ТВЕРСКАЯ И ТВЕРСКОЙ.....	275
Часть XXIV. НИКОЛЬСКИЙ РАДИУС	283
Эпилог с кинематографом	302

ВВЕДЕНИЕ

Дом человека есть причина или следствие любви.

Нет дома без любви, как нет приходской церкви без венчаний.

Город полон любовями, как лес родословных деревьев.

Но для мифа значимы только избранные адреса. С историями подлинными — или поселенными фольклором, литературой, живописью, кинематографом.

Любовный миф вольной белкой чертит пути в родословном лесу.

В этом начало тайны.

Продолжение которой в том, что на карте московского мифа одни городские части бедны любовью или вовсе пусты, а иные, наоборот, полны и даже переполнены ею.

Набросок этой карты становится опытом описания городских частей. опытом, действительно, облюбования Москвы.

Речь не о том, где любитесь или не любите.

Книга о том, где любите *приметно* и где нет.

Где подлинная или вымышленная история любви может вернее поместиться в миф, стать мифом.

О «вмещающем ландшафте» мифа.

О «мифогенности» пространства.

*

Любовь Средних веков сосредоточена в Кремле, поскольку это непременно государева любовь.

Не потому, что нет другой, а потому, что всякая другая не видна, живет невидно.

Всякая чета Средневековья передоверяет государевой чете являть любовь.

Дальнейшее облюбование Москвы — это исход любовного предания из стен Кремля, равный исходу из Средневековья.

Облюбование идет в шаг с Новым временем.

Облюбование Москвы есть отчуждение любовного предания от царского, присвоение мифа частному человеку.

А значит, рассыпание мифов по карте города.

«Вмещающий ландшафт» любви оказывается вмещением Нового времени.

Этот ландшафт, московский «вест», как и ландшафт традиции, московский «ист», картографируются в книге.

Выясняется, что «вест» Москвы и в самом деле запад, «ист» действительно восток.

И далее, что обе полусферы делятся в себе, имеют собственные юг и север, «зюйд» и «норд».

В итоге, что Москва составлена из четвертей: юго-восточной, юго-западной, северо-западной и северо-восточной.

*

Книга предшествует будущей книге автора «Четыре четверти русского», в которой четвертичное строение Москвы прослеживается вовне, и утверждается, что таково строение всей Руси с центром в Москве.

*

Предмет и метод первой книги автора: «Две Москвы. Метафизика столицы» — продолжены в некоторых частях и главах этой книги.

Например, об Арбате, Арбатце (Крутице) и Малом Арбатце как об опричных пространствах; о Перове как знаке Киева; о шереметевских усадьбах как проекциях одна другой; о метафизике целой улицы, Никольской, и переулка, Камергерского.

Завершен начатый в книге «Две Москвы» авторский счет Семи холмов.

Написан новый ряд метафизических портретов: граф Николай Шереметев, Сухово-Кобылин, Чайковский, Скобелев и другие.

*

Автор благодарен редакциям «Независимой газеты», журналов «Новый мир», «Новая Юность», сайта «Архнадзор» и других изданий за публикацию фрагментов будущей книги в 1999–2008 годах.

Автор благодарен Институту журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ), Московскому архитектурному институту (МАрхИ), их студентам и вольнослушателям за многолетнюю возможность представлять и совершенствовать книгу в жанре лекций.

Автор благодарен телеканалу «Россия-24» за экранизацию некоторых сюжетов этой книги в авторской программе «Облюбование Москвы» в 2010–2019 годах.

Автор благодарен первым читателям этой книги или ее частей Андрею Балдину, Геннадию Вдовину, Константину Михайлову за собеседования и замечания.

КНИГА ПЕРВАЯ

Часть I

КРЕМЛЬ

Кучковичи — Земля и власть — Великие княгини —
Женское начало — Софья Витовтовна —
Иван III и Софья Палеолог —
Василий III и Соломония Сабурова —
Василий III и Елена Глинская —
Овчина, или Первый любовник

На предыдущей странице:

**Василий I и Софья Витовтовна на саккосе митрополита Фотия.
Шитье. 1414–1417**

Кучковичи

Кремлевскому холму условно адресуется легенда о начале города. Согласно изложению XVII века — «Повести о зачале царствующего великого града Москвы», Долгорукий, убив Степана Кучку и обозрев с горы «сема и овамо» место будущего города, отослал дочь убитого, Улиту, во Владимир, где сочетал со своим сыном, князем Андреем, будущим Боголюбским. Кучковна здесь душа Москвы — земли, которой овладела пришедшая власть.

Убийством Боголюбского брата Кучковичи, фигуры исторические, расторгают эту связь земли и власти. Дело было во Владимире; но характерно, что одна из книжных версий XVII века переносит действие в Москву времен обособления Московского княжения. Это «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», знаменитое первыми строчками: «И почему было Москве царством быть, и кто то знал, что Москве государством слыть?» Теперь боярин Кучка сделан современником не Долгорукого и Боголюбского, но Даниила — первого князя Московского, названного, однако, Суздальским. То есть не удельным, а великим, Владимирским. Такого князя не было. «Примыслив» Даниилу Суздаль, автор словно признается, что писал поверх истории Андрея Боголюбского. Кучковичи злоумышляют против Даниила. Злоумышляют не из мести за отца — боярин Кучка еще жив, а ради блудной связи с княгиней, участвующей в заговоре. Следовательно, княгиня в этом тексте не Кучковна, хотя зовут ее по-прежнему Улитой.

Покушение предпринимается на заячьей охоте; раненый Даниил уходит от нападающих. Верхом он достигает берега Оки и ищет перевоз. Перевозчик просит заплатить вперед, а получив княжеский перстень на протянутое весло, отчаливает с добычей. Князь бежит вдоль берега, находит пустую могилу и ночует в ней. Преследователи являются к Улите ни

с чем. Княгиня придает погоне мужнина гончего пса, вспомнив слова князя, что этот пес найдет его живого или мертвого. Найдя хозяина живым в некоем могильном срубе, пес радуется...

Отмщая за убийство брата, новый князь Суздальский казнит Кучковичей, а заодно и Кучку, и на месте красных сел боярина основывает город.

Словом, жертва в основание Москвы, по этой версии «Сказаний...», — не Кучка, а Даниил Московский, в действительности умерший своей смертью, но в тексте замещающий Андрея Боголюбского. Так Москва замещает прежнюю столицу Владимир.

Для нашей темы важно, что по версии «Сказания...» строительная жертва одновременно любовная.

Земля и власть

Стольный Владимир разделяет две эпохи: Киев и Москву. В первую эпоху Русью владел весь княжеский дом. Для этой мысли Рюриковичи по мере смерти членов дома переходили с младших столов на старшие, и так до Киева.

Переходящее владение столом предполагало, что князья вступают в договор с местными обществами. Договор земли и власти есть состояние добрачное, род обручения, причем всегда готового расторгнуться. При вечном жениховстве княжеского дома русская земля была невестой, как и подобает юности. Великий Новгород даже пересидел в невестах, а теократический характер его республики делал добрачие аскезой.

Приговор Любечского съезда князей «держать свою отчину», то есть прекратить переходы, означал взросление. Сложились местные династии, брачуясь с землей по частям. Браки венчались коронами кремлей, возникших на Руси не раньше этого второго возраста. Кремли — не княжеские замки в центре или с краю городов, но города как таковые с княжьими дворами в них. Даже в растущем внешними кругами городе кремли становятся лишь внутренними городами, но не замками. Детинец Новгорода потому не кремль, что княжий двор остался вне его, как и во Пскове он остался вне так называемого Крома.

Третий возраст Руси наступил, когда владетельный московский дом, один из местных, брачевался с полнотой земли. Такой союз есть царство и венчается короной главного Кремля.

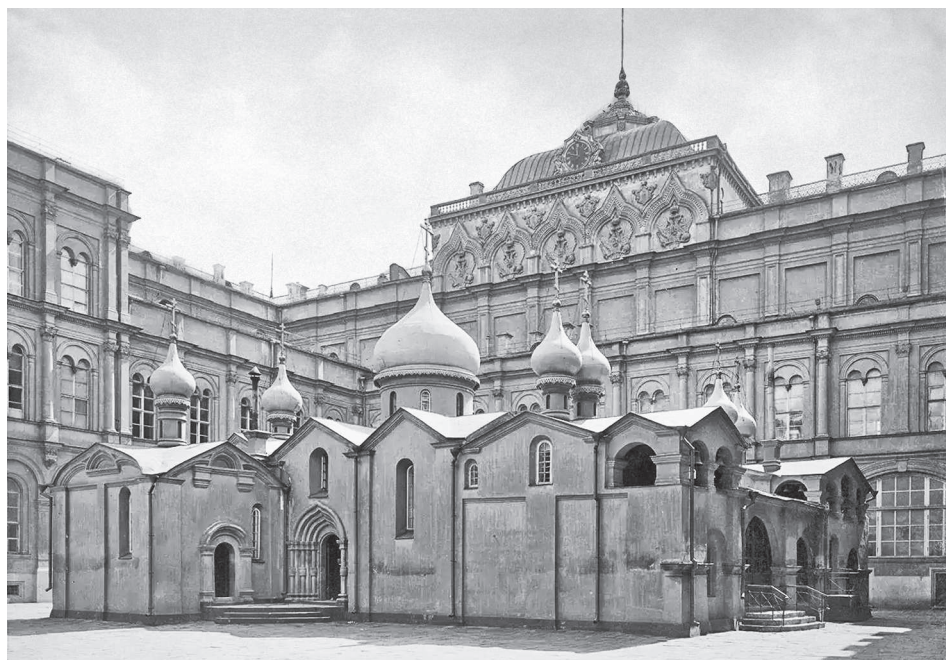
Великие княгини

Брак власти и земли символизируется браком князя и княгини, впоследствии — царя и царицы. Чем ближе подходил владетельный московский дом к заветной цели обладания полнотой земли, тем знаменательнее становились княжеские браки.

Кто была настоящая жена святого Даниила? Кто были жены его детей и внуков — первых великих князей московского дома? Ни одна из них не вошла в любовный миф. Их лица не видны, не представимы.

Первых московских княгинь погребали в Спасском соборе кремлевского, что на Бору, монастыря. Со временем собор замкнулся во внутреннем дворе Кремлевского дворца, а на восьмом веку существования снесен советской властью.

Древнейшее захоронение у Спаса на Бору (1332) принадлежало великой княгине Елене, первой жене Ивана Калиты, о которой мы не знаем почти ничего.

Собор Спаса на Бору. Фото И.Н. Александрова. 1890-е

Здесь же упокоились (в 1345 и 1399 годах) первая и третья супруги Симеона Гордого — Анастасия Гедиминовна и Мария Александровна, урожденная княжна Тверская.

В чумном 1364 году у Спаса погребли великую княгиню Александру, жену Ивана II Красного, мать Дмитрия Донского.

Женское начало

Вдова Дмитрия великая княгиня Евдокия создала новый княгинин некрополь в кремлевском Вознесенском монастыре. Именно Евдокия, в монашестве Евфросиния, — первая *видимая* женщина Москвы. По существу, она открывает женскую тему в столице. Открывает, что прекрасно, собственной святостью.

Вознесенский монастырь. Фото конца XIX века

Недавно рака с мощами Евфросинии установлена в приделе Архангельского собора. Лишь эта рака взята наверх из потаенного кремлевского подземелья, в котором после сноса Вознесенского монастыря укрыты саркофаги великих княгинь, цариц и царевен XV–XVIII столетий.

Софья Витовтовна

Конечно, Евдокия была женой и матерью, но видится, запоминается вдовой. Софья Витовтовна была женой, затем вдовой Василия I Дмитриевича, но видится, запоминается матерью. Матерью Василия II Темного, то есть заложницей династического кризиса второй четверти XV века. Пленницей Шемяки, искателя московского стола.

Именем Софьи Витовтовны растет и усложняется московское пространство. Древнейший из известных в Занеглименье дворов, Ваганьковский, на месте Пашкова дома, при первом упоминании (1445) принадлежит ей. Великий князь Василий Васильевич, отпущенный из татарского плена, осторожно становится на материнском дворе перед тем как войти в оставленный Шемякой Кремль.

Женское имя София — первое имя Арбата. Арбата как холма и цитадели подле или против Кремля.

Иван III и Софья Палеолог

Четверть столетия спустя именем София обновился и сам Кремль. Венчание Ивана III Великого с царевной Софьей Палеолог исполнено высокого значения.

Вместе с царевной перешел на Русь имперский центр восточной половины христианства. Оговоримся, что венчание Ивана с Софьей стало знаком, но не средством перехода.

Одновременно Москва соединилась с Новгородом, городом Святой Софии. Новгород, доселе бывший господином самому себе, признал Ивана государем, то есть вышел из безбрачия.

Действительно, взятие города в средневековом символизме предстает как брак. Взятие города Святой Софии — как брачевание с Премудростью. Иван стал новым Соломоном: «Палеолог» значит «ветхое слово» (наблюдение Владимира Микушевича).

Сам Новгород в этом ряду соположений означал, кроме себя, Константинополь, а новгородская София замещала цареградскую.